

Два лика Рильке

кн. Мария фон Турн-унд-Таксис.

Воспоминания о Райнере Мария Рильке

Лу Андреас-Саломе

Райнер Мария Рильке

ДВА · ЛИКА · РИЛЬКЕ

КН. МАРИЯ ФОН ТУРН-УНД-ТАКСИС-ГОГЕНЛОЕ

ВОСПОМИНАНИЯ О РАЙНЕРЕ МАРИЯ РИЛЬКЕ

~~~~~

ЛУ АНДРЕАС-САЛОМЕ

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ

СОСТАВЛЕНИЕ, ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО,
ПРИМЕЧАНИЯ И ПОСЛЕСЛОВИЕ
НИКОЛАЯ БОЛДЫРЕВА

ВОДОЛЕЙ
КИЕВ – 2015

ББК 84 (4Ге)

УДК 821.161.1

Д22

ISBN 978-5-04251-824-9

© Н. Болдырев, перевод, послесловие 2015

© Издательство «Водолей», оформление, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мария фон Турн-унд-Таксис</i> Воспоминания о Райнере Мария Рильке	II
<i>Лу Андреас-Саломе</i> Райнер Мария Рильке	III
<i>Николай Болдырев</i> По дороге к ангелу, или Эрос путника (Послесловие переводчика)	196

Княгиня Мария фон Турн-унд-Таксис, урожденная принцесса Гогенлое-Вальденбург-Шиллингсфюрст (1855–1934) – представительница одной из знатнейших австро-итальянских фамилий, мать троих сыновей, меценатка и меломанка, объединила вокруг себя немало выдающихся людей из разных сфер культуры, успешно пробовала себя в жанре перевода: перевела на итальянский ряд стихотворений Рильке, на французский – две книги философа Рудольфа Касснера («Дилетантизм» и «Элементы человеческого величия»), на немецкий – ряд сонетов Петрарки. Познакомилась с Рильке по собственной инициативе в декабре 1909 года в Париже. Затем, весной 1910 года, познакомила Рильке с Касснером, что стало началом выдающейся дружбы. Касснер вспоминал: «Мария фон Турн-унд-Таксис... была прежде всего, что называется, гранд-дамой, была ею в самом высоком смысле этого слова, воздействуя на всех, кто с ней сближался, именно таким образом... Будучи австрийской подданной, она родилась в Венеции, которая тогда еще принадлежала Австрии. Этот факт и далее годы юности, проведенные в Дуино, Заградо и в Тоскании, тесная связь через мать из рода делла Торре, давшего Аквилее ее патриархов, а Милану ряд герцогов, с двором графа фон Шамбор, а также связь с Римом Пия IX, через своего дядю, кардинала Гогенлое, больше повлияли на ее внутренне существо, нежели поздняя Вена или “богемские леса”, как она любила выражаться. Италия была для нее не предметом страстного томления и бегств, как это обычно у немцев, а воспоминанием...»

Самым частым местом встреч Рильке и княгини, поверенной многих его тайн и секретов (два тома их переписки уникальны для биографов поэта), были, помимо ее возлюбленной Венеции, два ее родовых семейных замка – Дуино на Адриатике (неподалеку от Триеста) и замок Лаучин в Богемии.

Книга ее воспоминаний о Р.-М. Рильке – одна из лирически искреннейших в мемуарной литературе о поэте, чем вызвала в свое время лестный отзыв Марины Цветаевой. А один из лучших германских биографов Рильке Ганс Хольтхузен назвал труд княгини «умной и благородной книгой воспоминаний, одной из самых прекрасных, которые когда-либо выходили».

Лу Андреас-Саломе (1861–1937) – известная при жизни писательница (роман «В борьбе за Бога», повести «Рут», «Феничка», «Необузданность», «Родинка», сборники рассказов «Дети человеческие», «Переходный возраст», «Час без Бога»), интеллектуалка («Женские образы Генрика Ибсена», «Эротика», «Нарциссизм как двунаправленность»), сотрудница Зигмунда Фрейда. Родилась в Санкт-Петербурге, в семье генерала (Густава фон Саломе) на службе его величества, до восемнадцати лет жила в России. В юности, проведенной в городах Германии, Австрии и Италии, жила столь яркой, интеллектуально насыщенной и эксцентричной жизнью, что привлекла внимание ряда известных поэтов и философов, тем более, что была незаурядно привлекательна внешне. Фридрих Ницше дважды делал ей предложение руки и сердца, общение с Лу, несомненно, повлияло на его творчество, в частности, дав толчок и вдохновение для книги «Так говорил Заратустра». В 1887 году вышла замуж за языковеда-ираниста Фридриха Андреаса. Рильке познакомился с ней в 1897 году, и вскоре она стала главной женщиной его судьбы. Важнейшая в его творческой судьбе книга «Часослов» посвящена ей.

Можно смело сказать, что Лу Саломе потрясла мужской мир. Вот лишь два отзыва. К. Вольф: «Ни одна женщина за последние сто пятьдесят лет не имела более сильного влияния на страны, говорящие по-немецки, чем Лу фон Саломе из Петербурга». П. Гаст: «Она действительно гений. В ее характере есть нечто героическое. Гений духа и сердца... Чудеснейшее великолепие ее души книги ее передают лишь отчасти».

кн. МАРИЯ ФОН ТУРН-УНД-ТАКСИС-ГОГЕНЛОЕ

~ ~ ~ ~ ~

ВОСПОМИНАНИЯ
О РАЙНЕРЕ МАРИЯ РИЛЬКЕ

«Чтобы однажды, на исходе скорби познания,
осиянность и славу воспеть ангелов,
столь благодатных...»¹

I

В июне 1922 года я оправилась в Сьерру, чтобы отыскать Райнера Мария Рильке, который жил в Мюзоте и хотел прочесть мне *Элегии*, начатые в 1912 году в Дуино и завершённые только спустя десять долгих лет. Почему я не сумела уже в то время понять, что передо мной человек, приносимый в смертную жертву?..

Видела ли я когда-нибудь более сиятельный лик, слышала ли более блаженную речь? Казалось, он разрешил загадку жизни; радостям и страданиям, счастьем и несчастьем, жизни и смерти, всему-всему он одобрительно откликался, всё принимая и постигая с неописуемым ликованием. И наблюдая за ним и слушая его, я была глубоко взволнована, видя это лицо, обычно исполненное бесконечной меланхолии, столь внезапно просветлённым.

Мне следовало тогда понять: он достиг вершины, взобрался на высочайший пик и увидел лик Божий – и вот теперь ему предстояла только смерть. И поскольку смерть пришла и забрала несравненного поэта, моего дорогого верного друга, я хочу оставить о нем воспоминания, они мне очень дороги и, надеюсь, они станут таковыми и для тех, кто знал и любил этого ни на кого не похожего, столь рано ушедшего от нас человека. В моих записных книжках немало заметок, сделанных по-немецки, но большей частью по-французски, иногда в один и тот же день. Постараюсь воспроизвести их в том виде, в каком они были написаны и начну с нашей первой встречи в декабре 1909 года в Париже.

.....
¹ Начальные строки десятой Дуинской элегии Рильке. (Здесь и далее примечания – переводчика).

Разумеется, мне было известно немалое число его публикаций, и я уже многое о нем слышала от д-ра Рудольфа Касснера, нашего общего друга. Однажды вечером в Вене Кайнц прочел вслух его стихи, которые произвели на меня глубокое впечатление. Знала я и то, что Рильке жил в Париже и даже то, что был увлечен графиней де Ноай, которую увидел как-то мельком в ателье у Родена.

Вот несколько строк, которые я набросала вскоре после нашей первой встречи:

Провела в Париже четырнадцать дней и навестила графиню де Ноай. «Скажите, – спросила она меня внезапно, – кто такой Райнер Мария Рильке?» «Райнер Мария Рильке? – отвечала я. – Но ведь это же один из выдающихся поэтов Германии!» «В самом деле? – спросила она, живо заинтересовавшись. – Видимо, он действительно поэт, поскольку, представьте себе, мне приходят от него совершенно невероятные письма». (Я засмеялась, она тоже). «Собственно, я бы охотно с ним познакомилась. Вы-то его знаете, не правда ли? Не могли бы Вы это устроить?» «Я знаю его, не будучи с ним знакома. Но мы это исправим. Загляните ко мне на чашечку чая, и Вы встретите там вашего поэта». Вот тогда-то я и написала впервые Райнеру Мария Рильке и получила от него первое, очень любезное письмо, в котором он принял мое приглашение. В письме я упомянула, что ожидаю в этот день визита мадам де Ноай. Поэт пришел минута в минуту, то был понедельник, 13 декабря 1909 года. Я была приятно поражена, но одновременно и слегка разочарована, ибо представляла его совершенно другим – не этим юным человеком, выглядевшим почти ребенком; в первое мгновение он показался мне очень некрасивым, но одновременно и очень симпатичным. Чрезвычайно застенчивым, но с прекрасными манерами и редкой благородной изысканностью. Почти сразу мы стали беседовать как старые добрые друзья. Он как раз только что закончил «Записки Мальте Лауридс Бригге».¹ Он говорил

.....
¹ Роман, самое крупное прозаическое сочинение поэта.

о нем – и это необычайно меня тронуло – как о живом существе, а не как о книге. Он еще полностью был ею захвачен: «Мне кажется, я сказал в ней всё: больше мне сказать нечего, вообще нечего...» – повторял он печально. Я не могла тогда верно понять смысла этих его слов, поскольку еще не была знакома с этим его, насыщенным страдательностью, произведением.

Конечно же, мадам де Ноай заставила себя ждать, но вот наконец отворилась дверь, и на пороге явилось «маленькое неистовое божество» (как позднее имел обыкновение называть ее Рильке). То была эпоха громадных шляп и длинных, очень узких платьев. Большая, темная, украшенная перьями шляпа едва прошла сквозь дверь. Графиня, зашнурованная сверху донизу, была, пожалуй, похожа на египетскую статуэтку. Однако наш поэт, я думаю, созерцал лишь ее огромные черные властные очи. Она сделала от порога шаг, остановилась и воскликнула: «Господин Рильке, что Вы называете любовью, что Вы думаете о смерти?»

Мне доставило немало труда сохранить серьезность; Рильке же, со своей стороны, вначале растерялся и онемел. Однако всё это длилось лишь мгновение, и вскоре мы уже дружно сидели возле камина. Госпожа де Ноай, уже снова абсолютно естественная и как всегда обворожительная, вполне поняла (и я это тотчас почувствовала), какой уникальный человек ей встретился. Я же с огромным интересом наблюдала за беседой двух поэтов, тотчас прорвавшихся к сердцевине вопросов и понимавших друг друга с полунамека. Сверх того было очень интересно наблюдать германца и представительницу романского этноса. Принадлежа обеим расам, я заметила, как в один из моментов они не поняли друг друга. Как же им стало весело, когда я вернула их на правильный путь. Весьма примечательной была жалоба мадам де Ноай на то, как порой тяжело бывает справляться с формальным сопротивлением стиха, какое временами огромное напряжение для этого требуется. Рильке в непонимающем изумлении смотрел на нее сво-

ими огромными глазами. «Неужели Вы не находите, что порой с этим бывает ужасно трудно?» – спрашивала она снова и снова. «Да нет же, совсем нет...» Казалось, что он этого не понимает. Думаю, что мадам де Ноай восприняла этот его ответ не вполне всерьез. Лишь узнав позднее Рильке лучше, я поняла, насколько искренне он ей отвечал. Ибо он не написал, пожалуй, ни единой строки без наития, инспирации и глубокой внутренней потребности. В этом состоянии он не мог контролировать себя и чаще всего едва ли знал сам, как появлялись записи в его маленькой записной книжке, которую он всегда носил при себе. Он часто мне ее показывал, и каждый раз я изумлялась, рассматривая ясный и чистый почерк почти без единой правки.

Записную книжку он всегда носил в кармане глухого, вплоть до шеи жилета, – впрочем, этот жилет был единственной странностью, которую он себе одно время позволял. Обычно же его одежда при всей ее простоте была безукоризненно корректна.

Когда мадам де Ноай покинула нас, мы еще долго оставались вдвоем, Рильке еще всецело пребывал под тем мощным впечатлением, которое пережил. И все же эта встреча имела почти комический результат. Поэта обуял безграничный страх перед возможным влиянием на него мадам де Ноай. После этой первой встречи, столь много ему давшей, он написал молодой женщине письмо, в котором сообщил, что никогда больше не рискнет приблизиться к ней. «Вы же понимаете, – сказал он мне, – если я позволю себе видеться с ней чаще, это приведет к крушению моего Я, я превращусь в ее раба и буду жить *только ее* жизнью...» А мадам де Ноай говорила мне полушутливо, полусердито: «О, ваш поэт весьма любезен: он пишет мне лишь затем, чтобы сообщить, что не желает меня больше видеть». Я же уверяла ее, что это как раз означает ту высшую похвалу и то признание, которые Рильке только и мог ей выказать... Вскоре после этого он прислал мне эссе об этом опасном существе – «Книги одной любящей», текст, который я счи-

таю одной из изысканнейших его работ. Уехала я спустя два или три дня; но прежде чем вернуться в Богемию, задержалась на некоторое время в Вене. Туда Рильке и прислал маленькую книжицу-блокнот, в которой я и нашла это эссе; со временем к нему были добавлены несколько неопубликованных его стихотворений. Я храню это как бесценное сокровище.

Так вот и началась наша переписка, которой суждено было длиться семнадцать лет без перерыва. У меня сжимается сердце, когда вспоминаю, с какой радостью я каждый раз созерцала его тонкий почерк, в котором столь отчетливо являло себя чувство красоты и гармонии, никогда его не покидавшее. Я никогда не встречала почерка даже похожего на этот.¹ Тем сильнее было мое изумление, когда в одном труде по искусству пятнадцатого века я увидела почерк Рафаэля, чистая красота и совершенство которого мне очень напомнили почерк нашего друга.

17

II

1910-й год принес нам большую радость: мы смогли принять Рильке у себя. В одном из первых своих писем я рассказала ему о нашем Дуино, ставшим потом для него столь значимым местом. «Ваш замок у моря, – писал он мне в ответ, – представляется мне стоящим на побережье, похожем на то, что в Виареджо: в былые годы я туда частенько сбегал, многое из «Часослова» родилось там, и мне кажется, я частенько задумывался: но ведь должен же где-то быть замок... И вот, раз уж он есть, то скорее всего окажется именно таким, какой я всегда искал».

И он не был разочарован, хотя наши суровые адриатические скалы не имели ни малейшего сходства с цветущим средиземноморьем.

.....

¹ Почерк Рильке необыкновенно похож на почерк Лу Андреас-Саломе, о чем подробнее в нашем послесловии.

Вскоре после этого он дал о себе знать и 20 апреля прибыл. В гостях у меня были тайный советник Боде с дочерью и Рудольф Касснер, после обеда мы поехали в Чивидале посмотреть лонгобардскую церковку. Когда мы возвратились, Рильке уже несколько часов как был в Дуино. Я приготовила для нашего гостя комнату, где редко кто жил, она показалась мне словно бы созданной для него. Угловая, с окнами на три стороны и узкой потайной лестницей, выводящей к часовне. Потолок был украшен тонкой венецианской лепниной. Несмотря на три окна, помещение было довольно сумрачным, наполненным какой-то изначально тревожной атмосферой, на что мне часто жаловалась одна из моих сестер. Но Рильке комната понравилась, и он был в ней счастлив в особенности из-за той громадной тишины, которая его там окружала; у него не было соседей, поскольку по одну сторону находилась замковая капелла, а по другую, занимающую всю ширину замка, была трапезная, чей длинный каменный балкон смотрел на открытое море. Слева от наших скал находились Триест, Мирамаре¹ и Истрийские горы.

Я огорчилась, что пропустила прибытие Рильке, однако он признался, что ему было очень приятно побыть первые часы одному, потому что неопишуемая красота Дуино столь грандиозна, что он просто нуждался в одиночестве, чтобы прийти в себя. И что он простоял бы почти весь этот сияющий весенний вечер на балконе, вдыхая аромат бесчисленных ирисов и соли, идущей от волн, теряясь взором в лазурной голубизне моря и неба, совершенно погруженный в одинокое созерцание.

Последующие прожитые нами дни были незабываемы. Чем больше времени проводила я с поэтом, которого лишь недавно узнала в Париже, тем больше чувствовала на себе воздействие его неповторимого обаяния. И что меня глубоко трогало, так это та радость, которую он излучал по поводу нашего соприсутствия, и его благодарность, хотя я и в самом деле не находила для нее никакой причины. Ведь это мы, и только мы, должны были быть .....

¹ Знаменитый замок.

ему благодарны ото всего сердца; уже за одно только его бытие. Рильке обладал почти неправдоподобной скромностью. Я редко встречала что-либо похожее. Однако это касалось только человека в нем, которого он весьма строго отличал от поэта. Для поэта же не было более высокого судьи, нежели он сам: аплодисменты или критика оставляли его совершенно равнодушным. Он знал, что изнутри него говорил голос, которому он обязан был следовать. Этого ему было довольно. Но рядом с этим гордым доверием себе, никогда его не покидавшим, я очень часто все же чувствовала в нем ребенка. Восхитительного ребенка, немного потерянного в этом громадном мире, намного больше близкого земле и звездам, чем людям, которых он, казалось, инстинктивно опасался; ребенка, столь преданного таинственным феноменам Ночи, равно как и возвышенным визиям, что наконец услышавшего и Ангелов, что одевают «ликованием и славой».

Но между тем сколь суров был тот путь, что вел к «исходу скорбных прозрений»! Если бы только я могла уберечь его ото всего горького и печального в его жизни! Впрочем, думаю, поэт сразу же почувствовал ту большую симпатию, которая меня к нему привязала; он знал, что мог на нее положиться. «Но ведь сейчас-то всё хорошо, пока-то ведь всё хорошо», – повторял он снова и снова. В нашей встрече было нечто странное и, как он часто говорил, нечто магическое, в этой нашей удивительной и абсолютно непредсказуемой встрече, которая вела его к тому месту, где должен был раскрыться прекраснейший цветок его духа.

У подножия Дуинского замка есть одна весьма причудливая скала, уходящая в море. В народе ее называли, да и сегодня еще называют «il sasso di Dante».¹ Рассказывают, что великий гибеллин побывал в Дуино, когда навещал Pagano della Torre, аквилейского патриарха.² Го-

.....
¹ Скала Данте (ит.).

² Речь идет, вероятно, о Пагано Первом из рода делла Торре (фон Турн), исполнявшем обязанности аквилейского патриарха в 1319 – 1332 годах и умершем в 1341 году.

ворят, что позднее кайзер Фридрих III, которому тогда принадлежал замок, увенчивал здесь двух поэтов. Дуино был Рильке предопределен...

Среди моих, к сожалению слишком скудных, замечтоков нахожу несколько строк о поездке в Каподистрию, восхитительный городок на истрийском побережье, воспроизвожу их слово в слово. «... Прогулка в Каподистрию. Габриэла и я с д-ром Касснером и Рильке. Очень веселый завтрак в маленькой трактирии, где Рильке, бывший все время, начиная с прибытия, довольно молчаливым, внезапно начал говорить своим мягким, слегка напевно-певучим голосом. Он рассказывал о России; это было очень волнующе – слушать его описания волжских одиночеств, когда день за днем он плыл на судне вниз по течению реки, и вот посреди меланхолии безмерно широких равнин перед ним внезапно вставал громадный лес, «вставал как Ночь». Потом: его общение с русскими крестьянами, впечатление от них, их библейское величие, их фатализм, печаль их песен, крестьянский поэт, захотевший сфотографироваться с Рильке, древняя старуха, благодарившая Бога, что перед смертью ей довелось принять гостя; и более молодая, еще привлекательная крестьянка в одном заброшенном степном селенье, где он провел ночь, возле двери своей одинокой избы поведавшая ему всю свою жизнь с такой абсолютной простотой и величием, что поэт почувствовал ее равной себе и разговаривал с этой незнакомой женщиной, которую видел впервые в жизни и которую, вероятнее всего, никогда больше не увидит, так, как не разговаривал никогда ни с кем прежде...

Чем больше я наблюдаю Рильке, тем более сильную чувствую к нему симпатию, которая, надеюсь, взаимна.

На первый взгляд он кажется некрасивым, маленьким, тщедушным, хотя и с хорошей фигурой. Удлиненная голова с большим носом и полными, очень подвижными губами, подчеркнутыми слегка скошенным подбородком с глубокой ямочкой. Однако к этому – прекраснейшие голубые глаза, глаза женщины, в которых под ку-

стистыми ресницами неожиданно вспыхивает радостная и детская проказливость, когда он смеется, показывая ослепительно белые зубы».¹

Драгоценные часы этого первого общения в Дуино протекали в неомрачаемой гармонии. Мне казалось, что когда-то раньше мы уже с ним были знакомы, между нами не было ничего чужого/чуждого – до единственного: до той магии, которую я ни в ком другом не находила столь мощной и столь интенсивной.

Однако я чувствовала и то, что он приоткрывает мне эти врата... Тогда он думал о том, не написать ли книгу о Карло Дзэно,² великом адмирале, чья жизнь была столь насыщена фатальными событиями. Он попрощался с нами 27-го, чтобы после этой слишком быстро промелькнувшей недели в Дуино поработать в венецианских архивах, а потом вернуться в Париж.

«Car la parole est toujours réprimée quand le sujet surmonte le disant (François I dans son sonnet sur Laure de Sad)».³ Этими словами начиналось его первое письмо из .....

¹ Любопытно сравнить восприятие внешности поэта княгиней с первым впечатлением от Рильке Рудольфа Касснера, случившимся несколько месяцев спустя: «Вошел хрупкий человек, по-мальчишески узкий в плечах, слегка устремленный вперед, ступавший быстрыми, легкими шагами. Тихий, чистый взор его глаз голубейшей голубишной своей сразу взял меня в плен и прочно удерживал до тех пор, покуда мне не бросился в глаза большой, бесформенный, вялый, словно поношенный рот с двумя длинными ленточками усов, опускавшихся от его уголков. <...> Но из этого рта, пройдя сквозь эти губы, явился богатый, сочный, звучный голос, не имеющий в себе ничего мальчишеского или незрелого. Всё его существо излучало чистосердечие без малейших следов кокетства, суетности или смущенности...» И далее: «... Мне тогда бросилось в глаза также, что он никогда не давал воли телу, чувствам, “изломам”...»

² Венецианский полководец и адмирал (1334–1418).

³ Ибо слово всегда подвержено давлению, если предмет превосходит говоримое (Франсуа Первый в своем сонете к Лауре де Сад) (фр.).

Венеции; он восторженно писал о днях, проведенных с нами, не забывая при этом о Карло Дзэнно. А вот последующие письма из Парижа были печальными. В одном из них он заговорил о том, о чем я сообщила ему за два или три дня до его отъезда: мне приснилась одна давно умершая женщина, единственное на свете существо, которому я могла бы откровенно поведать о всей моей жизни. Много лет спустя – в Рагаце, где мы виделись с ним в последний раз – мы снова вернулись к этому сну. И я узнала, что Рильке ребенком бывал (вместе со своей матерью) у этой женщины, у той, которая мне явилась во сне. Когда М. склонилась над ним и стала гладить его по волосам своими большими прекрасными руками, мальчик пережил неопишимо странное ощущение счастья и покоя, не покидавшее его еще много дней. Он никогда не забывал ее. Это далекое воспоминание подарило Рильке большую радость, ибо позволило ему верить, что уже в те времена, когда я ничегошеньки о нем не знала, между мною и им уже существовали таинственные связи.

В этот раз в Париже Рильке чувствовал себя не очень хорошо; я телеграфировала ему о том, чтобы он ехал ко мне в Богемию; желание у него было, однако его здоровье, постоянно подверженное рискам, затягивало отъезд. Лишь в середине августа он все же прибыл, к нашей великой радости. Наш маленький Марктфлектен,¹ тогда это была еще большая деревня на окраине обширных сосновых, дубовых и березовых лесов, он видел не впервые. Немало людей приезжали каждое лето из Праги в Лаучин (Loucen) из-за его здорового, целебного воздуха, вот и родители Рильке отправили однажды туда своего сына на два месяца. Его семьи я тогда не знала, и к тому же была в отъезде. В то время ему было, должно быть, пятнадцать или шестнадцать лет. Могла ли я себе представить, что бледный юноша, прибывший на лечение в Лаучин с больной тетей и с нежно любимым кроликом, однажды станет великим поэтом и одним из моих луч-

¹ Marktflecken – букв.: торговое село (нем.).